

УДК 94 (47+57)

doi: 10.18101/2305-753X-2017-3-72-77

**ДЕФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ
СООБЩЕСТВА БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»****© Хомяков Сергей Васильевич**

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

Данная статья посвящена отражению средствами массовой информации некоторых аспектов общей ситуации коллективного мировоззрения Бурят-Монгольской АССР в 1930-е гг. В период, когда по всей стране шли аресты людей из самых разных социальных слоев, профессий и возраста, газеты, радио и кино настойчиво пропагандировали строительство счастливого социалистического общества. Неудачные действия советских властей в области сплошной коллективизации в самом начале 1930-х гг., провал первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, падение уровня жизни городского и особенно сельского населения, очевидная несостоятельность и односторонность метода социалистического реализма в культуре – все это старательно ретушировалось, либо, если это было невозможно, то вся вина возлагалась на саботаж или несостоятельность местной власти, культурной и интеллектуальной элиты. Кроме всего прочего, это позволяло центральной власти обосновать существование в стране т. н. «врагов народа», которые мешают стране окончательно прийти к коммунистическому обществу и передовым позициям в мире.

Данные процессы не обошли и Бурят-Монгольскую АССР. В 1930-е гг. в Бурятии произошло также окончательное смещение вектора отношения советской власти к православию, буддизму, шаманизму и старообрядчеству. Если начиная с периода окончания Гражданской войны шла кампания по атеизации населения, которая то затухала, то вновь активизировалась, то в 1930-е гг. служители религиозных культов подвергаются репрессиям, а церкви и дацаны массово закрываются. Средства массовой информации при этом старательно формируют представление о том, что абсолютное большинство населения республики одобряет действия властей в данном направлении и само является источником активизации подобных действий.

Ключевые слова: атеизация, «культ личности», советский человек, политические репрессии, общественное сознание, средства массовой информации, религия.

Общее состояние массового сознания в республике необходимо рассматривать с учетом нацеленной на советских людей пропаганды, формирующей культ личности Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина, который, согласно идеологическим установкам, считался главным творцом всего положительного, что происходило в политическом развитии, экономике и культуре страны. Советский человек 1930-х гг. должен был всеми делами соответствовать образу вождя, брать с него пример.

Это возвеличивание нашло свое широкое выражение в творчестве бурятских писателей, поэтов, художников. В результате успешной пропаганды очень скоро каждая публичная речь партийца, комсомольца, пионера, колхозника, рабочего была наполнена восторженным отношением к Сталину. Например, речь тов. Аржутовой, колхозницы Аларского аймака: «Мы, женщины-бурятки, сейчас не только свободны и равноправны, но и пользуемся большим почетом и уважени-

ем. Всем этим мы обязаны великому и родному учителю – Сталину...». Тов. Бадмаев, работник Еравнинского мясхоза: «Вчера мы были у наших писателей и поэтов, слушали произведения, которые читались на бурятском языке. Это меня поразило, я не знал, что республика имеет своих даровитых писателей и поэтов. Спасибо нашему дорогому вождю, великому Сталину за это. Я накопил все новые книги, везу их себе» [10, с. 1]. В газетах писали, что встреча со Сталиным произвела неизгладимое впечатление на лучших работников республики, делегированных на Всесоюзную конференцию в 1936 г. Они видели человека, образ которого был запечатлен в каждом номере газеты, на плакатах и портретах рядом с образом Ленина. П. Г. Малков: «Сколько радости и волнений по пути в Москву, мне не верилось, что я, простой тракторист из далекой Бурятии, увижу самого Сталина — великого вождя человечества. Минуты этой встречи – самые счастливые в моей жизни» [5, с. 2]. Характерным и оригинальным отношением бурят-монгольского народа к вождю можно считать два стихотворения прославленных поэтов БМАССР: Х. Намсараева — «Великому Сталину» [6, с. 1] и Ц. Галсанова — «Сталин-Батор» [2, с. 1]:

Все побеждающий и стали тверже, СТАЛИН!
Ты выше, чем самый высокий Саянский хребет.
Ты прозрачней и чище, чем светлые воды Байкала,
Несущие песнь о тебе!
Край наш вперед устремился победой крылатой, ученье твое
Стало пламенным сердцем аратов.
Раньше в дикой степи раздавались звуки бубна — хэсэ, хэнгэрэк — барабана.
Взлетали орхимжето ламы, и оргойто — ряса шамана, и развевались по ветру, неся беднякам нашим муки.
Ныне хлынула щедро волна урожая, гул тракторов унылые стоны сменил.
И в работе ударной – от края до самого края – миллионами рук мы взрастили стада, не жалея упорные силы.
Счастливой мы зажили жизнью и радости знамя радугой красной
Взметнулось до самых вершин. Пусть вечно пребудет ученье твое,
О наш Сталин, Ленина друг – ученик, мудрый вождь – исполин!
(Х. Намсараев)

Буряты с давних пор говорить любили так:
«Нет во всей вселенной гор выше Мунко-Сардак.
Но увидел мой народ, что вершина выше есть —
Это Батор, что ведет к счастью край бурятский весь.
В день спокойный вижу я — гладь ясна и широка,
Блещет, будто чешуя, голубеет, как шелка,
Исполинской цепью скал озеро окружено
И зовут его – Байкал. Больше всех озер оно.
Но увидел мой народ, что и глубже, и мощней
Батор тот, что нас ведет на простор счастливых дней,
И улусов дружный хор славу Батору поет.
Этот Батор выше гор, глубже он байкальских вод.
Точно знамя, он в бою, он нам счастье дал и мощь.
Так о Баторе поют. Этот Батор — Сталин-вождь!

(Ц. Галсанов)

Можно проследить вполне явную аналогию со стихами бурятских поэтов, посвященными Ленину в 1923–1925 гг., что позволяет говорить об идеологической преемственности образа вождя от Ленина к Сталину, величие и значимость которого постепенно заслоняли образ Ленина («Сталин — это Ленин сегодня», «Сталин — отец народов», «Сталин — вождь народов»).

В контексте «культы личности» меняется направленность проводимых властью праздников, например, 7 ноября — годовщина Октябрьской революции, во второй половине 1930-х гг. становится по существу праздником выражения благодарности Сталину и его заслугам перед советским народом: «7 ноября 1937 г. Площадь революции в 12 ч. покрылась лесом знамен. Пионеры, школьники несут плакат: “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!” В рядах сотни флажков, лозунгов. На площади горят на солнце полотнища с начертанными теплыми словами Коммунистической партии, Сталину — творцу счастливой и радостной жизни» [9, с. 2]. При этом возвышение и героизация образа Сталина идет в постоянной параллели с ленинским образом вождя-предшественника. Этот образ оставался в конце 1930-х гг. актуальным для Бурятии: «Вчера, в 5 часов вечера, у здания клуба-театра ПВЗ состоялся митинг, посвященный открытию воздвигнутого здесь памятника великому вождю В. И. Ленину. Огромная фигура Ильича воздвигнута на правом крыле клуба-театра. Участники митинга отправили приветственную телеграмму верному продолжателю дела Ленина, вождю народов, великому Сталину» [3, с. 4]. Открытие памятника рядом с одним из первых объектов индустриализации республики увязывалось с признанием заслуг Ленина в деле всесторонних преобразований в Бурятии, а также подчеркивало единство образов вождей «Ленин–Сталин» в общественном сознании.

Знаменитый лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселее» означал построение в СССР социалистического общества и победу культурной революции. «Бурят-Монгольская правда» периода 1937–1939 гг. печатает, главным образом, позитивные статьи, фотографии с сюжетом зажиточной жизни колхозников, счастливых лиц пионеров и комсомольцев. Создается необходимый властям информационный фон, иллюстрирующий счастье народа как итог двадцатилетия Октября. Применительно к Бурятии, это касается изменения уклада жизни, например, у старообрядцев, которых советская власть в 1920-х гг. считала «темными, крепко держащимися за религиозные предрассудки». В 1930-х гг. эта прослойка населения вырывается в одних из лидеров культурного фронта республики: «За Большим Куналеем уже укрепилась слава как о передовом по культурному строительству в селе. Не только молодежь заполняет залы клуба, но и широкоплечие бородачи организуют хоры и выступают на вечерах самодеятельности». Характерны тексты частушек, показывающих изменение быта старообрядцев:

Как у нас в избе-читальне натянули полотно,
Даже дряхлые старухи посмотреть пришли кино...
По завету Ленина, по завету Сталина мы построили колхоз
Верный путь крестьянина...
Во колхозе жизнь нова, как же новой ей не быть?
Мы и грамоте учились, и культурней стали жить... [12, с. 2].

В джидинских колхозах пели частушки, посвященные переписи населения 1937 г.:

Переписью населения, что 6 января,
Мы узнаем достижения, достижения Октября.
Мы узнаем как, насколько стал культурным наш народ
Из страны отсталой, темной как он двинулся вперед [12, с. 2].

Тревожная внутрипартийная ситуация конца 1930-х гг., связанная с репрессиями против ленинской гвардии, военных, экономистов и т. д., не могла не породить сходные процессы в дочерней организации партии — ВЛКСМ, — в которой начинаются мероприятия, направленные на ужесточение дисциплины, проверки «правильного» социального происхождения: «Комсомольский комитет станции Улан-Удэ исключил Сахарову А. “за сокрытие социального происхождения”. При расследовании выяснилось, что она от отца осталась в 7-летнем возрасте и была восстановлена в комсомоле. Комсомольские руководители иногда идут на поводу у карьеристов, необходимо расправляться с ними, а не с честными коммунистами, срывать маску с настоящих врагов. Горком комсомола исключил Мадаева А. — “за покровительство врагам народа и дачи рекомендации для вступления в комсомол неправильному человеку”. Данное обвинение оказалось вымыслом, Мадаев — восстановлен» [11, с. 4].

Антирелигиозная деятельность в эти годы не такая масштабная, как в 1920-е. Это связано с тем, что при сохранении внутреннего религиозного чувства у большинства населения республики (что особенно проявится в годы Великой Отечественной войны), над внешними признаками религии советская власть торжествовала. Были закрыты церкви и дацаны, деятельность священнослужителей оказалась стесненной, религиозные праздники задвигались на второй план новыми советскими. Участие в общественной и политической жизни так же оказалось под вопросом, особенно при публичном обсуждении будущей Конституции, раздавались голоса о лишении священнослужителей избирательных прав: «Не согласен с теми, кто выступает против предоставления избирательных прав служителям религиозного культа. Опасности в этом нет. Разве я свой голос отдаю за лам? Конечно, нет! Я буду голосовать за прогрессивного кандидата» [1, с. 5]. В 1936 г. центральная советская власть посчитала решенным вопрос о своем отношении к буддизму, окончательно сделав его своим врагом. На борьбу с религией среди бурят обратил внимание В. М. Молотов, назвав духовенство «реакционными ламами» и тем самым окончательно отодвинув буддизм в темное прошлое и в число классовых врагов: «В деле угнетения бурят-монгольского народа богатеи-скотоводы, купцы и крупные чиновники из бурят-монголов сыграли свою немалую роль. Достойным этой братии концом был момент, когда трудящиеся бурят-монголы по-революционному расправились с нею, и когда они счастливо и навсегда покончили с многотысячным сословием лам, присосавшихся наподобие пиявок к телу бурят-монгольского народа. Трудящиеся бурят-монголы только потому вышли теперь на новую дорогу, на дорогу счастливой жизни, что они расправились с реакционными ламами по примеру того, как русские революционные рабочие и крестьяне покончили у себя с сословием попов» [13, с. 36].

Среди мероприятий по атеистической пропаганде в 1935–1936 гг. можно выделить возрастающую активность Улан-удэнского антирелигиозного музея, призванного быть центром скопления предметов, принадлежавших дацанам и церквям, а также демонстрировавшим научные достижения: «За лето 1935 г. антирелигиозный музей г. Улан-Удэ собрал экспонаты из Ацагатского дацана, Селенгинского аймака: статую Будды в рост человека, библиотеку на тибетском языке из 300 томов. Собраны экспонаты из Эгитуйского дацана. Под музей выделено здание бывшего Дмитриевского собора» [7, с. 3].

Во второй половине 1930-х гг. продолжались отдельные всплески волн борьбы с религией, особенно это касалось практики переоборудования культовых зданий под музеи и иные помещения, а также самой темной страницы советской истории — репрессий против невинных людей, в т. ч. представителей религиозных культов. «До революции 14 тыс. лам сидело на шее бурят-монгольского народа. По инициативе трудящихся Селенгинского аймака в бывшем дацане организуется антирелигиозный музей всесоюзного значения. Сейчас идет опись имущества дацана» [8, с. 3]. Таким образом, атеистическая пропаганда в 1929–1941 гг. повторяла деятельность 1920-х гг., кроме того, отличалась проявлением самостоятельной инициативы жителей республики, направленной на борьбу с религией.

В итоге можно прийти к выводу, что вся деятельность средств массовой информации была направлена на то, чтобы все население БМАССР думало, как, например, рабочие бурятских предприятий на собрании на Стеклозаводе (на митинге, посвященном печально знаменитым московским процессам против «троцкистского объединенного центра»): «Стеклозавод. Не хватает слов, чтобы передать чувство всего негодования, которым переполнены сердца рабочих Улан-Удэнского стекольного завода, когда они узнали о троцкистско-контрреволюционном “параллельном центре”. Товарищ Стаканов: “Фашистские вырождаки, которые хотят восстановить власть помещиков и капиталистов, должны быть стерты с лица земли. Мы требуем уничтожить всех до одного, кто поднял руку против советского народа”» [4, с. 4].

Литература

1. Болотов Б. О праве на образование // Бурят-Монгольская правда. 1936. 5 нояб. 7 с.
2. Галсанов Ц. «Сталин-Батор» // Бурят-Монгольская правда. 1939. 1 мая. 6 с.
3. Митинг в честь Ильича // Бурят-Монгольская правда. 1937. 22 янв. 7 с.
4. Митинг на Стеклозаводе // Бурят-Монгольская правда. 1937. 25 янв. 7 с.
5. «Мы были в Москве, мы видели Сталина!» // Бурят-Монгольская правда. 1936. 11 янв. 7 с.
6. Намсараев Х. «Великому Сталину» // Бурят-Монгольская правда. 1936. 7 нояб. 8 с.
7. Николаев В. В Улан-Удэнском музее // Бурят-Монгольская правда. 1935. 16 окт. 7 с.
8. Новый музей // Бурят-Монгольская правда. 1939. 1 янв. 9 с.
9. Празднование 7 ноября в Улан-Удэ // Бурят-Монгольская правда. 1937. 10 нояб. 7 с.
10. Речи тов. Аржутовой и Бадмаева // Бурят-Монгольская правда. 1936. 11 янв. 6 с.
11. Ситуация в комсомоле // Бурят-Монгольская правда. 1938. 7 нояб. 7 с.
12. Спектор М. Новый быт у старообрядцев // Бурят-Монгольская правда. 1937. 1 янв. 7 с.
13. Цит. по: Ербанов М. Н. Бурят-монголы у великого Сталина. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1936. 115 с.

References

1. Bolotov B. O prave na obrazovanie // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1936. 5 noyab. 7 p.
2. Galsanov C. «Stalin-Bator» // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1939. 1 maya. 6 p.
3. Miting v chest' Il'icha // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1937. 22 yanv. 7 p.
4. Miting na Steklozavode // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1937. 25 yanv. 7 p.
5. «My byli v Moskve, my videli Stalina!» // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1936. 11 yanv. 7 p.
6. Namsaraev H. «Velikomu Stalinu» // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1936. 7 noyab. 8 p.
7. Nikolaev V. V Ulan-Udenskom muzee // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1935. 16 okt. 7 p.
8. Novyj muzej // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1939. 1 yanv. 9 p.
9. Prazdnovanie 7 noyabrya v Ulan-Ude // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1937. 10 noyab. 7 p.
10. Rechi tov. Arzhutovoj i Badmaeva // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1936. 11 yanv. 6 p.
11. Situaciya v komsomole // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1938. 7 noyab. 7 p.
12. Spektor M. Novyj byt u staroobryadcev // Buryat-Mongol'skaya pravda. 1937. 1 yanv. 7 p.
13. Cit. po: Erbanov M. N. Buryat-mongoly u velikogo Stalina. Ulan-Ude: Burgosizdat. 1936. 115 p.

DEFORMATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS IN COMMUNITY OF BURYATIA UNDER THE CONDITIONS OF “BIG TERROR”

Sergei V. Khomyakov

Cand. Sci (History), Junior Researcher

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAN

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

This article is devoted to the media's reflection of some aspects in the general situation of the collective worldview of the Buryat-Mongolian ASSR in the 1930s. At the time when arrests of people from various social strata, professions and age were going on all over the country, newspapers, radio and cinema persistently popularized the construction of socialist society that should have been free from the shortcomings of the past. The unsuccessful actions of the Soviet authorities in the field of total collectivization at the very beginning of the 1930s, the failure of the first five-year plan for the development of the national economy, the decline in the standard of living of the urban and especially of the rural population, the apparent inconsistency and unilateralism of the method of socialist realism in culture — all this was zealously retouched, or if it was not possible, then the blame was treated as a sabotage, or failure of the local authorities, of the cultural and intellectual elite. Besides, it allowed the central government to justify the existence in the country the so-called “enemies of the people”, who prevent the country from finally reaching a communist society and advanced positions in the world.

These processes did not bypass the Buryat-Mongolian ASSR. In the 1930s in Buryatia, it was also a final shift in the vector of the attitude of Soviet power to Orthodoxy, Buddhism, shamanism and the Old Believers. If, beginning with the end of the Civil War, there was a campaign to provide atheism the population, which at one moment faded, at another again intensified, then in the 1930s, the clergy underwent repressions, and churches and datsans were closed at a large scale. The mass media, mean while, carefully formed the idea that the absolute majority of the population of the republic approved of the authorities' actions in this direction and itself was the source to emphasize such actions.

Keywords: provision of atheism, “Cult of personality”, Soviet people, political repressions, public consciousness, mass media, religion.